

References

1. *V dni surovyh ispytaniy: Stalingskaja partijnaja organizacija v period Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. : sb. dokumentov i mat-lov* [In days of severe tests: The Stalingrad party organization in the Great Patriotic War, 1941–1945: collection of documents and materials]. Volgograd, 1966.
2. *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR* [Sheets of the Supreme Council of the USSR], 1941, no. 29.
3. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO)* [State archive of the Astrakhan region (GAAO)], F. 6, Op. 2, D. 288.
4. *GAAO*, F. 6, Op. 2, D. 289.
5. *GAAO*, F. 6, Op. 14, D. 2.
6. *GAAO*, F. 6, Op. 14, D. 3.
7. *GAAO*, F. 6, Op. 14, D. 9.
8. *GAAO*, F. 1095, Op. 1, D. 756.
9. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State archive of the Volgograd region (GAVO)], F. 71, Op. 1, D. 654.
10. *Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Saratovskoj oblasti (GANISO)* [State archive of the contemporary history of the Saratov region (ГАНИСО)], F. 594, Op. 1, D. 447.
11. *Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (GASD AO)* [State archive of modern documentation of the Astrakhan region (joint stock company GASD)], F. 10, Op. 2, D. 1.
12. *GASD AO*, F. 10, Op. 2, D. 2.
13. *GASD AO*, F. 10, Op. 2, D. 4.
14. Eremenko A.I. *Stalingrad* [Stalingrad]. Moscow, 1961.
15. Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memoirs and reflections]. Moscow, 1974, T. 2.
16. Krasavin V.S. *Partijnye organizacii Nizhnego Povolzh'ya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) : dis. ... d-ra ist. nauk* [The party organizations of Nizhny of the Volga region in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Volgograd, 1969.
17. *Partijnoe stroitel'stvo* [Party construction], 1943, no. 3.
18. Pigalev D.M. Nakanune [The day before]. *Bitva za Stalingrad* [Fight for Stalingrad]. Volgograd, 1969.
19. *Rossijskij Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State archive of sociopolitical history], F. 17, Op. 88, D. 219.
20. *RGASPI*, F. 17, Op. 88, D. 484.
21. *RGASPI*, F. 17, Op. 88, D. 504.
22. *RGASPI*, F. 17, Op. 88, D. 507.
23. *RGASPI*, F. 17, Op. 88, D. 512.
24. *RGASPI*, F. 17, Op. 88, D. 530.
25. *RGASPI*, F. 644, Op. 1, D. 25.
26. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO)* [Center of documentation of the contemporary history of the Volgograd region], F. 71, Op. 8, D. 1.
27. *CDNIVO*, F. 171, Op. 1, D. 106.
28. *CDNIVO*, F. 171, Op. 1, D. 14.

**ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СУДЬБУ
НАМЕСТНИКА КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА ДОНДУКА ДАШИ В 1740-х гг.**

Торопцын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

Статья посвящена роли внешнеполитических факторов в жизни Калмыцкого ханства в 1740-х гг. в контексте международных отношений России. Рассматриваются взаимоотношения наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши с российскими властями, анализируются его внешнеполитические контакты и планы, а также меры, предпринимаемые по этому поводу центральными и местными властями России.

Ключевые слова: Россия, наместник Калмыцкого ханства Дондук Даши, астраханские губернаторы В.Н. Татищев и И.О. Брылкин, калмыцкие дела.

**INFLUENCE OF FOREIGN POLICY FACTORS ON DESTINY
OF THE KALMYK KHANATE DEPUTY DONDUK DASHI IN THE 1740th**

Toropitsyn Ilya V., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The paper is devoted to the role of foreign policy factors in the life of the Kalmyk khanate in the 1740th in the context of international relations of Russia. The relationships of the Kalmyk khanate deputy Donduk Dashi with the Russian authorities are considered, his foreign policy contacts and plans and also the measures undertaken about it by the central and local authorities of Russia are analysed.

Keywords: *Russia, Kalmyk khanate Deputy Donduk Dashi, Astrakhan governors V.N. Tatishchev and I.O. Brylkin, Kalmyk affairs.*

В историографии внешнеполитическим контактам наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши уделено не много внимания. Отдельные аспекты его деятельности в данной сфере рассматривались в трудах Н.Н. Пальмова, А.В. Цюрюмова и некоторых других авторов [6, с. 79, 84; 11, с. 136–139; 21, с. 267–279]. Однако указанные работы не дают их всестороннего анализа. По сути, в них лишь обозначены некоторые внешнеполитические планы Дондука Даши и рассмотрены отдельные шаги в этой области. А между тем именно они оказали заметное влияние на развитие русско-калмыцких отношений в 1740-х гг. и сыграли ведущую роль в формировании позиции российского правительства в отношении судьбы наместника ханства и других действующих лиц.

Появление в 1740-х гг. на политической арене Калмыцкого ханства Дондука Даши произошло в силу целого ряда обстоятельств, имевших место в истории калмыцкого народа. В апреле 1741 г. умирает хан Дондук Омбо. В разгоревшемся после этого междоусобном конфликте гибнет претендент на ханское место владетель Галдан Данжин, которого поддерживали российские власти. После этого их выбор склонился в пользу Дондука Даши, который с 1739 г. пребывал вдали от калмыцких улусов в Красноярской крепости, расположенной на Закамской укрепленной линии. Для Дондука Даши нахождение в Красноярской крепости иначе как политической ссылкой назвать нельзя. Он отбывал ее по требованию хана Дондука Омбо. В этот период времени Дондук Даши своим поведением ничем не напоминал будущего правителя калмыцкого народа. Он постоянно находился под присмотром российских властей, при необходимости давал объяснения по поводу действий своих людей. Впрочем, нельзя сказать, что Дондук Даши был лишен личной свободы, а его подвластные ограничены в действиях. Калмыки на Закамской линии вели себя достаточно своеобразно, о чем свидетельствуют дела Ставропольской канцелярии калмыцких дел об «обидах», нанесенных калмыками приставленным для их же охраны драгунам и их семьям [15, л. 127–128, 133–133 об.]. Вместе с тем необходимо признать, что на тот момент Дондук Даши был полностью во власти российской администрации, и это также сыграло свою роль в выборе его кандидатом на должность наместника Калмыцкого ханства.

Уговаривать калмыцких владельцев признать Дондука Даши наместником ханства летом 1741 г. был отправлен из Санкт-Петербурга тайный советник В.Н. Татищев. Двух этих людей объединила одна цель – реализация правительственной политики в отношении калмыцкого народа, выразившейся в утверждении Дондука Даши наместником ханства на определенных условиях, выдвинутых российскими властями. От наместника, в частности, требовалось «с иностранными государствами и народами в сношения не вступать» [8, с. 194]. Для достижения поставленной цели оба главных действующих лица российской калмыцкой политики обязаны были действовать согласованно. Однако вскоре после утверждения Дондука Даши наместником ханства в его характере происходят разительные перемены. Он стремится ощущать себя полновластным правителем калмыцкого народа. Но это не входит в планы российских властей, которые четко придерживаются курса, направленного на то, чтобы

лишить наместника возможности вмешиваться в сферу внешней политики России и ограничить его полномочия в вопросах внутреннего управления в Калмыцком ханстве. Не удивительно, что взгляды Дондука Даши и представления В.Н. Татищева, назначенного в конце 1741 г. астраханским губернатором, за которым сохранили и ведение калмыцких дел, на пути дальнейшего развития Калмыцкого ханства постепенно расходятся и обретают форму конфронтации. «Калмыки сначала поручены были мне в полную власть, – отмечал В.Н. Татищев в письме барону И.А. Черкасову от 23 апреля 1745 г., – и оное я начал было в такое состояние приводить, чтоб Россия вечную пользу от них иметь, а опасностям как прежде происходили никаких страхов иметь не могла, к чему главный способ, чтоб у хана власть отняв более верить губернатору, но ныне все превращено и наместник Дондук-Даши как человек великого коварства такую силу и власть получил, что уже немалой опасности виды показались» [22, с. 311].

Конфликт Дондука Даши и В.Н. Татищева неоднократно привлекал внимание исследователей. В историографии существуют разные точки зрения, объясняющие причины взаимного недовольства наместника и губернатора друг другом. Одним из первых эту тему затронул Н.А. Попов – автор наиболее обстоятельного исследования, посвященного управлению В.Н. Татищева Калмыцкой комиссией. Он отмечает, что Дондука Даши постоянно раздражал самостоятельный образ действий астраханского губернатора. Жалуясь на него в Санкт-Петербург, наместник подчеркивал, что В.Н. Татищев поступает «без моего совета, но по своей воле», тогда как «указом вашего величества повелено Татищеву в калмыцких делах поступать с моего совета» [13, с. 337]. Однако принципиальные противоречия, ставшие причиной конфликта между наместником Калмыцкого ханства и астраханским губернатором, лежали не только в особенностях характера этих людей, но и в позиции российских властей. С.М. Соловьев указывает, например, на недоброжелательное отношение к В.Н. Татищеву канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, который «сердился на Татищева и вредил ему по Иностранной коллегии, куда астраханский губернатор должен был постоянно обращаться по делам калмыков и других пограничных народов» [17, с. 313–314]. В.Н. Татищев, очевидно, чувствовал это, но понять причины не мог. В письме кабинет-секретарю императрицы Елизаветы Петровны барону И.А. Черкасову от 23 апреля 1745 г. он подчеркивал, что уже четыре месяца не может добиться резолюции на свои донесения по калмыцким делам [22, с. 311]. Н.А. Попов отмечает по этому поводу, что конфликт между Дондуком Даши и В.Н. Татищевым начал нарастать после возвращения наместника из Санкт-Петербурга, где «все было сделано, чтобы поставить наместника кочевой орды и губернатора астраханской губернии во враждебное положение друг к другу». Так, Дондук Даши получил позволение сноситься с Коллегией иностранных дел помимо В.Н. Татищева. Несмотря на это, астраханского губернатора не избавили от обязанности управлять Калмыцкой комиссией, следить за действиями наместника [13, с. 315–316].

Исследователи начала XX в. в числе других причин указывали на желание выйти из российского подданства, проявившееся в 1740-х гг. у наместника ханства. «Заметив тенденцию к ограничению калмыцких прав, выразившуюся, между прочим, в неудовлетворении требований относительно издания русско-калмыцкого судебного уложения, – пишет Н.Н. Пальмов, – Дондук-Даши начал строить планы ухода калмыков с Волги за границу». В частности, он связывает ухудшение отношений между ним и губернатором с недовольством наместника тем, что В.Н. Татищеву удалось сорвать его план ухода из России в Среднюю Азию [10, с. 339; 11, с. 137]. А. Лебединский также полагает, что «завязавшаяся между Дондук-Дашею и Татищевым вражда» развилась на почве внешнеполитических планов наместника, а «проект губернатора об уничтожении у калмыков ханской власти еще более обострил отношения между наместником ханства и Татищевым» [6, с. 80–81]. Данная точка зрения в том или ином виде неизменно присутствовала в отечественной исторической науке на протяжении большей части XX столетия. Автор биографического труда о В.Н. Татищеве А.Г. Кузьмин подчеркивает: «Дондук-Даша ничего не хотел знать,

кроме возможности личного обогащения. Татищеву неоднократно приходилось вмешиваться, чтобы сдерживать непомерные аппетиты наместника, тем более что вместе с этими аппетитами росло стремление наместника к самостоятельным внешнеэкономическим связям, чем он вносил многочисленные осложнения в деятельность Татищева и Коллегии иностранных дел» [5, с. 279]. Я.А. Гордин отмечает стремление В.Н. Татищева заставить Дондука Даши неукоснительно выполнять условия, принятые им на себя при вступлении в должность наместника Калмыцкого ханства, что вызывает со стороны последнего негодование. «Правительство, опасаясь, как бы Дондук-Даши не увел свои улусы из русских пределов, – пишет Я.А. Гордин, – время от времени становится на сторону наместника» [3, с. 188–189].

Современные исследователи склонны видеть истоки конфликта двух представителей власти на Юге России в ухудшении социально-экономических условий жизни в Калмыцком ханстве и чрезмерном вмешательстве местной русской администрации во внутренние дела калмыков. М.М. Батмаев относит конфликт между ними к сфере управления внутрикалмыцкими делами. Он пишет, что Дондук Даши был «в постоянном глухом раздражении, будучи лишенным реальной власти и вынужденный оглядываться на отношения к своим поступкам правительства и местной царской администрации». На этой почве у него, по словам М.М. Батмаева, начались трения с В.Н. Татищевым, которые особенно усилились после смерти его сына Асарая, находившегося в Астрахани на положении аманата [2, с. 297]. К.Н. Максимов по этому поводу отмечает, что Дондука Даши «не покидало постоянное чувство обиды за аманат», так как это влияло на авторитет наместника среди калмыков. При этом К.Н. Максимов полагает, что основной причиной, по которой у Дондука Даши был взят в заложники сын, было стремление российских властей предотвратить уход калмыков «за пределы России – в Джунгарию, так как царская администрация располагала такой информацией» [7, с. 122–123]. А.В. Цюрюмов считает, что причина конфликта между наместником и губернатором лежала в сфере внутреннего управления. По его мнению, В.Н. Татищев вмешивался в распределение улусов и в другие внутренние дела Калмыцкого ханства [21, с. 256–257]. М. Ходарковский пришел к выводу, что конфронтация между В.Н. Татищевым и Дондуком Даши, облеченная в форму личного характера, была отражением более глобального столкновения интересов кочевого мира калмыков, находившегося в упадке, и растущей мощи Российского государства [23, р. 217].

Безусловно, все приведенные точки зрения имеют право на существование, так как вопросы внутреннего управления калмыцким народом находились в тесной взаимосвязи с экономическим положением, в котором оказывались калмыки. Попытки улучшить материальное состояние, а иногда и просто выжить нередко приводили к столкновению интересов калмыков и оседлого населения Астраханской губернии. Разбор взаимных претензий российской и калмыцкой администрациями далеко не всегда устраивал ту или иную сторону. В этих условиях радикальным путем изменения ситуации для кочевого населения являлась смена региона обитания, что в приграничном регионе часто автоматически означало смену подданства. Понятно, что такие действия негативно воспринимались российскими властями, которые обязаны были реагировать на них и пресекать попытки побега из России ее подданных. Нельзя сбрасывать со счетов и политические амбиции Дондука Даши, который стремился укрепить свой авторитет в Калмыцком ханстве за счет увеличения числа лично подвластного ему населения. Однако при распределении улусов между владельцами местные власти четко руководствовались инструкциями из Санкт-Петербурга, чтобы «не усиливать особенно на счет других будущего наместника ханства» [13, с. 273]. Возникшие по этому поводу конфликты только усиливали недовольство Дондука Даши.

Именно такая ситуация сложилась в середине 1740-х гг. Калмыцкая степь, по образному выражению А. Лебединского, «волновалась». «Зайсанги и владельцы во главе с наместником ханства обсуждали план ухода калмыков из пределов России, – пишет он, – а когда он был готов, принимали меры к его осуществлению» [6, с. 79]. Как считает Н.Н. Пальмов, первую попытку увести калмыков из пределов России

Дондук Даши планировал осуществить в 1744 г. Он собирался совместно с ханом Младшего казахского жуза Абулхайром начать военные операции в Средней Азии. Но после того как эти сношения были обнаружены астраханскими властями, наместнику Калмыцкого ханства пришлось отказаться от этих замыслов [11, с. 138]. В последующие годы в качестве основного пути ухода из России Дондуком Даши рассматривалось крымское либо персидское направления. Осенью 1744 г. он вступил в сношения с кабардинским владельцем А. Кайтукиным, считавшимся в то время главным недоброжелателем России на Северном Кавказе (его обвиняли в том, что он наряду с крымцами способствовал побегу из России салтанульцев (малых ногайцев) [20, с. 341]). В декабре 1744 г. астраханские власти узнали о том, что к Дондуку Даши приезжал посланец А. Кайтукина, с которым он «через два дня имел секретные разговоры». Эти сведения коллежскому асессору Ф. Черкесову доставил «способный калмык» Лозон, которого тот использовал «для разведывания в улусах наместника ханства Калмыцкого». Коллегия иностранных дел сразу же поручила полковнику Н.Г. Спицыну, состоявшему при наместнике Калмыцкого ханства, выяснить об этих контактах и принять необходимые меры («о таких пересылках удобовозможным и искусным образом разведывать и противное интересам Ея императорского величества пристойным образом отвращать») [1, л. 80, 82, 83 об.]. Весной 1745 г. В.Н. Татищев неоднократно сообщал в Санкт-Петербург о переговорах Дондука Даши и А. Кайтукина [18, с. 175–180].

Наиболее опасная для России ситуация сложилась в Калмыцком ханстве в конце весны – начале лета 1745 г. 29 мая полковник Н.Г. Спицын сообщил в Астрахань, что наместник вступил в переписку с персидским шахом [2, с. 297–298; 21, с. 257]. В.Н. Татищев немедленно доложил в столицу, что «Дондук-Даши очень склонен к персидскому шаху, воевавшему тогда Кавказ». По сведениям Н.А. Попова, свое донесение губернатор основывал на показаниях владельца Галдан Норбо и нескольких зайсангов. «Незадолго перед тем наместник просился за болезнью к горячим ключам кизлярским. Это внушило в Петербурге сильное подозрение насчет намерений Дондук-Даши, – пишет Н.А. Попов. – Спицыну велено было: «никаких пострахов наместнику не подавать, и по пристойности онаго ласкать, наипаче же от ссор с ним по всякой возможности уклоняться, а впрочем поступки его искусным образом наблюдать» [13, с. 347–348]. Со своей стороны Дондук Даши также внимательно следил за действиями губернских властей. Н.Г. Спицын сообщал в Астрахань, что тот ежедневно получает сведения от своих доверенных лиц в Астрахани, которые достаточно хорошо осведомлены [6, с. 80]. Тщательно скрывая от российских властей свои планы, Дондук Даши, как считает Н.А. Попов, «хотел бежать на Кубань». Его брат Бодонг воспользовался этим обстоятельством, «взволновал некоторые улусы, которые и покатывали к Куме». В.Н. Татищев незамедлительно отреагировал на эти события, двинув им на перехват войска, которые остановили беглецов. Докладывая об этом Коллегии иностранных дел, астраханский губернатор, по словам Н. Попова, «еще раз просил себе отставки» [13, с. 351].

Причина, по которой В.Н. Татищев просил освободить себя от служебных обязанностей, заключалась в ухудшении состояния его здоровья. Зимой 1744–1745 гг. он перенес тяжелую болезнь и неоднократно обращался к руководству страны с просьбой освободить его от обязанностей астраханского губернатора. На время своей болезни он поручил ведать калмыцкие дела коллежскому асессору Ф. Черкесову. Учитывая напряженную обстановку на границе с Персией, Сенат 24 января 1745 г. предложил императрице подыскать В.Н. Татищеву замену на период его болезни. Из предложенных кандидатов был выбран генерал-лейтенант А. Девиц. 30 января ему поручили отправиться в Астрахань «ко управлению губернских дел на время пока новой губернатор не определится» [14, л. 31 об., 36]. В ожидании его приезда В.Н. Татищев 11 апреля пишет Елизавете Петровне, что стал чувствовать себя лучше: «Я столько от болезни освободился, что дела в доме моем с присутствующими слушаю и решаю, токмо в канцелярию ездить возможности не имею...» и просит возложить ведение всех дел на ехавшего в Астрахань А. Девица, а его «уволить в дом» [10, с. 340–341].

21 мая 1745 г. Коллегией иностранных дел был преподнесен доклад Елизавете Петровне «о перемене Астраханскаго губернатора тайного советника Татищева». При этом указывалось, что В.Н. Татищев давно уже просит о своей отставке, а наместник в свою очередь добивается, чтобы его отрешили от «ведомства Татищева», что они «в несогласии и ссорах находятся» [12, с. 121; 17, с. 323]. Взаимные обвинения наместника ханства и губернатора длились уже достаточно долго и без особых последствий. «В Петербурге не думали ни о смене наместника, что было довольно трудно; – указывает Н.А. Попов, – ни об увольнении Татищева, что было очень нетрудно» [13, с. 348]. Императрица решила удовлетворить просьбы как В.Н. Татищева, так и наместника ханства, тем более что они, по своей сути, совпадали. На место В.Н. Татищева решено было назначить обер-прокурора Сената И.О. Брылкина [12, с. 121]. Фактически это был компромисс, который должен был устроить как губернатора, так и наместника.

Появление на этом фоне известия из Астрахани о попытке калмыков уйти в Персию или в Крым, предотвращенной губернскими властями, заставило Коллегию иностранных дел активизировать шаги, чтобы усилить влияние на Дондука Даши, а заодно разрядить обстановку в отношениях местных властей с наместником Калмыцкого ханства. 22 июня 1745 г. Коллегия предложила «за имеющимися у него [Дондука Даши. – *И.Т.*] с астраханским губернатором тайным советником Татищевым ссорами необходимо потребно его губернатора переменить скорее». Императрица «по выслушивании приложенной под сим записки о калмыцком наместнике ханства», объявила, что «сия перемена уже постановлена» и что ее следует осуществить «после наступающего торжества» (свадьбы великого князя) [12, с. 147; 17, с. 323].

28 июня 1745 г. ситуация в Калмыцком ханстве рассматривалась в Сенате. В отличие от Коллегии иностранных дел, которая воспринимала последние шаги Дондука Даши, как проявление личного недовольства, и видела решение данного вопроса в устранении противоречий между губернской администрацией и наместником ханства, Сенат изначально занимал более жесткую позицию в отношении Дондука Даши. В его поведении он видел угрозу безопасности России. Итогом обсуждения стал проект грамоты к калмыцкому народу, в которой наместник обвинялся в измене, и объявлялось об его отставке от власти. Как указывает А.В. Цюрюмов, Дондуку Даши ставили в вину планируемое нападение на дербетов, а также ссору с астраханским губернатором В.Н. Татищевым. «В тексте грамоты даже было оставлено место для имени нового правителя, – пишет он, – которому в помощь давались 6 зайсангов из разных улусов» [21, с. 257]. Однако в очередной раз вмешался внешнеполитический фактор. А.В. Цюрюмов справедливо связывает окончательное решение калмыцкого вопроса в этот период с действиями персидских войск на Северном Кавказе. «Отстранение в это время от власти наместника грозило осложнениями, – указывает он, – поэтому конфликт наместника с Татищевым разрешился в пользу Дондука Даши, который получил приказ приготовить войска» [21, с. 257–258]. В то же время в Санкт-Петербурге решили, не дожидаясь отставки В.Н. Татищева, передать калмыцкие дела другому лицу. В качестве кандидата был предложен находившийся в Кизляре генерал-лейтенант Д.Ф. Еропкин, командовавший российскими войсками на кавказской границе. 19 июля 1745 г. данный вопрос был поднят Коллегией иностранных дел перед императрицей Елизаветой Петровной. Дипломатическое ведомство подчеркнуло, что ситуация в Калмыцком ханстве остается напряженной: по последним сведениям Дондук Даши, «который в подозрении находится к уходу с улусами в Персию или на Кубань», «услыша для того чинимыя движения войск, успокоивается». Поэтому необходимо предпринять энергичные шаги, чтобы «его в верности утвердить», а также устранить причины для его ссор с астраханским губернатором, в ведении которого находились калмыцкие дела. Императрица согласилась с доводами Коллегии иностранных дел и в тот же день подписала указы в адрес В.Н. Татищева и Д.Ф. Еропкина [12, с. 154–155].

В именном указе В.Н. Татищеву от 19 июля 1745 г. отмечалось, что после того, как наместник со своими улусами прикочевал к Волге и намерен перейти на левый

берег реки, «бывшее об нем сумнение об уходе на Кубань или в Персию и отменилось», однако калмыки народ не постоянный и полагаться на них нельзя. В том, что Дондук Даши предпринял попытку выйти из российского подданства, сомнений у правящих кругов России не было («наместник, усмотря, что его злое намерение узнано, и убоясь выступления наших донских войск на переход на луговую сторону Волги и арестование брата своего Бодонга поступил для того, чтоб на него одного намерение свое свалить»). Поэтому в Санкт-Петербурге резонно подозревали, что после отвода российских войск с Кавказа наместник Калмыцкого ханства мог перейти для зимовки к реке Куме и «тем тревога воспричинствуется и он действительно из нашего подданства под претекстом приносимых от него на вас жалоб отойдет». Поэтому в правительстве, «для утверждения его Дондук-Даши во всеподданнейшей к нам верности и для отнятия наималейшего к такому злему умыслу претекста всемилостивейше заблагорассудили, как то вы и сами представляли, калмыцкие дела и подполковника Спицына с командою на время до будущего определения в ведомство поручить нашему генерал-лейтенанту Еропкину». В связи с этим В.Н. Татищеву было приказано калмыцкими делами больше не заниматься, если они не затрагивали напрямую интересы жителей губернии, и поддерживать связь с Д.Ф. Еропкиным, оказывая ему в этих вопросах необходимое содействие [13, с. 655–656]. В грамоте к наместнику Калмыцкого ханства от 25 июля 1745 г. в свою очередь подчеркивалось милостивое отношение императрицы к своему подданному: «Мы... за доброе постоянство содержим тебя в высочшей нашей имской милости, и никак от тебя в должной к нам верности и пользе калмыцкого народа противных поступков не чаем». В той же грамоте сообщалось, что ведение калмыцких дел поручалось генерал-лейтенанту Д.Ф. Еропкину [9, с. 73]. Последнему было приказано «для свидания с ним, наместником, и утверждения его в подданстве нарочно в улусы калмыцкия съездить» [12, с. 154].

Указ от 19 июля 1745 г., как ошибочно полагал Н.Н. Пальмов [8, с. 74], не увольнял В.Н. Татищева от губернских дел, а лишь передавал часть его полномочий (калмыцкие дела) Д.Ф. Еропкину. При этом буквально понимая смысл указа, В.Н. Татищев не собирался терпеть бесцеремонное вмешательство Дондука Даши в сферу международных отношений, возложенную на него. На этой почве уже в августе 1745 г. между астраханским губернатором и наместником ханства возник новый конфликт (по приказу Дондука Даши были перехвачены в пути и силой загнаны в калмыцкие улусы переселенцы из Хивинского ханства, направлявшиеся по приглашению бывшего хивинского посла на жительство в Астрахань) [19, с. 107–113]. В конце августа 1745 г. наместник Калмыцкого ханства получает императорскую грамоту от 25 июля, в которой говорится о благожелательном отношении к нему правящих кругов России и принятых кадровых решениях по калмыцким делам. Как замечает по этому поводу Н.Н. Пальмов, Дондук Даши не смог удержаться от того, чтобы не высказать астраханскому губернатору свое торжество. «За тем ныне ни в какие наши калмыцкие дела вступать не извольте», – написал он В.Н. Татищеву, процитировав выдержки из полученной императорской грамоты [9, с. 73–74]. Однако устранение В.Н. Татищева от калмыцких дел и их передачу Д.Ф. Еропкину не следует рассматривать как победу Дондука Даши в борьбе за расширение своих полномочий по управлению калмыцким народом. Очень скоро наместник понял, что смена руководителя калмыцких дел не повлияет на общий курс политики российских властей в отношении Калмыцкого ханства. По этому поводу в письме генерал-лейтенанту Д.Ф. Еропкину Дондук Даши не мог скрыть своего раздражения: «...хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу» [2, с. 343; 4, с. 133; 7, с. 123].

Д.Ф. Еропкин посетил калмыцкие улусы, провел переговоры с Дондуком Даши и переехал в город Царицын, расположенный поблизости от калмыцких кочевий, несмотря на то, что наместник ханства просил, чтобы он поселился в Астрахани. Коллегия иностранных дел в итоге решила, что калмыцкие дела, «по близости калмыцкаго кочевания», необходимо все-таки оставить в ведении астраханского губернатора. По ее мнению, это был наиболее целесообразный путь, «но упомянутые ссоры до того ныне не допускают». 13 сентября 1745 г. Елизавета Петровна приказала

подготовить соответствующий указ и вручить его направлявшемуся в Астрахань обер-прокурору камергеру И.О. Брылкину [12, с. 174]. В середине ноября 1745 г. произошла смена губернаторов в Астрахани, а вскоре и Д.Ф. Еропкин попросился в отставку по состоянию здоровья. Коллегия иностранных дел 13 декабря 1745 г. предложила возложить калмыцкие дела на нового астраханского губернатора И.О. Брылкина, «как и пред сим оныя по способности у тамошняго губернатора ведомы были», а воинскую команду, расквартированную в Кизляре, – поручить генерал-лейтенанту А. Девицу, который «как слышно, ныне праздно живет» [12, с. 219]. Прошение было удовлетворено.

Новый астраханский губернатор вскоре столкнулся с теми же проблемами во взаимоотношениях с наместником Калмыцкого ханства, что и его предшественник. В апреле 1747 г. И.О. Брылкин получил донесение, что Дондук Даши вступил в переписку с персидским шахом, крымским ханом и кубанским сераскиром. По сообщению переводчика Везелева, который находился при наместнике Калмыцкого ханства, Дондук Даши осуществлял ее через кабардинца О. Мамбета. Сообщая об этом атаману Донского войска Д. Ефремову, астраханский губернатор подчеркивал: «и как де оной наместник ханства и зайсанги калмыцкие о начатии от турок войны с Россиею известились, намерение положили в то время, когда подлинно-то будет, отойти чрез Кубань в Крым» [16, л. 119, 210]. В мае в Астрахань стали поступать доклады от полковника Н.Г. Спицына о тайных собраниях владельцев с наместником, проходивших по ночам, на которых обсуждались различные варианты ухода калмыков из России. Сообщалось, что калмыки рассматривают варианты откочевки через реку Яик в направлении Бухары и далее либо в Персию, либо в Джунгарию. Большинство склонялось в пользу Персии. Впрочем, среди них были и сторонники ухода на Кубань, и те, кто предлагал сохранить верность России [9, с. 86].

Реакция правящих кругов России на эти донесения была противоречивой. Военная коллегия со всей серьезностью отнеслась к этой информации. Командующему на Царицынской укрепленной линии бригадиру Дефредерицию было приказано «намерение вышписанного наместника ханства Калмыцкого к побегу чрез Кубань в Крым всегда неослабно наблюдать и весьма престоерегать, в противном случае о подлинном его к побегу намерении дать знать как в крепость Святой Анны..., так и к войску Донскому и иметь с ними и с прочими близ стоящими войсками командирами в том надлежащее сношение, також и с обретающемся при калмыцких делах полковником Спицыным, и всевозможными способами стараться до побегу его наместника ханства отнюдь не допускать и в том чинить ему усиленное препятствие» [16, л. 119 об.]. В Коллегии иностранных дел были уверены, что экономическое положение калмыков не позволит им осуществить побег из России, поэтому посчитали меры, предпринимаемые атаманом Донского казачьего войска, который отдал соответствующие распоряжения на случай необходимости выхода на перехват калмыкам, слишком успешными [9, с. 86–87]. Однако сам факт обсуждения калмыцкими владельцами во главе с наместником ханства планов выхода из российского подданства не подвергался сомнениям. По мнению А. Лебединского, побегу калмыков в 1747 г. вновь помешала «бдительность русского правительства». «После этого Дондук Даше, как инициатору плана ухода калмыков из России, – пишет он, – нужно было реабилитировать себя в глазах русского правительства, и он, вынужденно смиряясь, делается мягким в своих отношениях к местной власти» [6, с. 84]. Несмотря на это, по словам Н.Н. Пальмова, в конце 1740-х гг. Дондук Даши активизировал связи с Крымским ханством: обменивался с ним посланцами, получал через них информацию о положении дел в Турции и Крыму, передавал сведения, интересовавшие крымских татар и турок. Впрочем, эти контакты так и не вылились в конкретные шаги по откочевке калмыков из России [11, с. 139].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что обстоятельства назначения Дондука Даши наместником Калмыцкого ханства и вопрос о его дальнейшей судьбе находились в тесной взаимосвязи с внешнеполитической конъюнктурой. А.В. Цюрюмов прав, отмечая, что при назначении наместника Калмыцкого ханства правительством России учитывался геополитический фактор, связанный со стремлением

отстранить от власти Джан, тем самым не допустить в будущем ее сближения с Ираном или Крымом [21, с. 259]. Противопоставляя мятежной ханше фигуру возвращенного из ссылки Дондука Даши, Коллегия иностранных дел рассчитывала иметь в его лице послушного проводника политики России. Но наместник оказался заложником сложного социально-экономического положения, в котором находилось после политического кризиса Калмыцкое ханство. Численность его населения, а, следовательно, и доходы калмыцких феодалов значительно уменьшились. Сокращение поголовья калмыцкого скота, вовлечение калмыков в не характерные сферы деятельности (рыболовство) приводили к столкновению интересов оседлого и кочевого населения Астраханской губернии. Выработать универсальные нормы права, которые бы учитывали российское законодательство и специфику калмыцкого образа жизни, не удавалось, что приводило к постоянным конфликтам и объяснениям наместника с российской администрацией, которые Дондук Даши воспринимал как посягательство на его полномочия по управлению улусами. К тому же правящие круги России не позволяли Дондуку Даши чрезмерно усилиться за счет улусов других калмыцких владельцев, в чем наместник также увидел ущемление своих интересов. Не находя иного выхода из сложившейся ситуации, Дондук Даши в 1740-х гг. стал искать пути ухода со своим народом из России.

Когда замыслы наместника были открыты, правительство не решилось отстранить его от управления Калмыцким ханством, хотя первоначально и рассматривало такой вариант, опасаясь перехода калмыков на сторону Персии, шах которой находился с войсками в Дагестане, или Крыма, как это имело место в 1730-х гг. при Дондуке Омбо. Наоборот, сделано было все для того, чтобы утвердить Дондука Даши в верности России. Для этого к нему был послан новый руководитель калмыцких дел генерал-лейтенант Д.Ф. Еропкин, сменивший в этом статусе астраханского губернатора В.Н. Татищева. Между тем все последующие после отставки В.Н. Татищева шаги наместника Калмыцкого ханства свидетельствовали, что причины, по которым он хотел увести калмыков из российского подданства, лежали не в его личных противоречиях с руководством местной администрации, смена которой не повлияла на его образ мысли и действий, а были намного глубже. В этом был определенный просчет Коллегии иностранных дел, считавшей, что передача калмыцких дел от В.Н. Татищева другому лицу автоматически устранит причины конфликтов, возникавших между ним и наместником ханства. Фактически Коллегия иностранных дел в 1740-х гг. пошла на поводу у Дондука Даши, переложив всю ответственность за состояние калмыцких дел на плечи местной администрации, которой не позволяла проявлять твердость в отстаивании приоритетов российской политики. Это создавало иллюзию у Дондука Даши в том, что он прав, что в свою очередь провоцировало нескончаемый поток жалоб с его стороны в Санкт-Петербург на действия местных властей. В глазах высшей власти внешнеполитические замыслы и действия наместника Калмыцкого ханства преподносились Коллегией иностранных дел как его реакция на действия астраханского губернатора. При этом не акцентировалось внимание на том, что все шаги местных властей в отношении Калмыцкого ханства были санкционированы Коллегией либо она самоустранилась от их решения.

Таким образом, не авторитет и личные заслуги Дондука Даши, не его жалобы на действия местной администрации, а внешнеполитические обстоятельства повлияли на окончательную позицию российского правительства в отношении наместника Калмыцкого ханства. Угроза выхода калмыков из российского подданства, инициатором которого был Дондук Даши, предопределила его дальнейшую судьбу, но в отличие от ханши Джан, отправленной в ссылку, ему сохранили звание наместника Калмыцкого ханства и обеспечили пожизненное пребывание во главе калмыцкого народа.

Список литературы

1. АВГРИ. – 1744. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 3.
2. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт : в 2 кн. / М. М. Батмаев. – Элиста, 1993. – 382 с.
3. Гордин Я. А. Хроника одной судьбы. Художественно-документальная повесть о В.Н. Татищеве / Я. А. Гордин. – Москва : Советская Россия, 1980. – 208 с.

4. Дорджиева Е. Власть и традиционная калмыцкая элита в XVIII в. (открытая интеракция и скрытые транскрипты) / Е. Дорджиева // Власть. – 2009. – Вып. 4. – С. 131–135.
5. Кузьмин А. Г. Татищев / А. Г. Кузьмин. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 351 с.
6. Лебединский А. К истории калмыцкого права в 40-х гг. XVIII столетия / А. Лебединский // Ойратские известия. – 1922. – № 3–4. – С. 78–87.
7. Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) / К. Н. Максимов. – Москва : Наука, 2002. – 524 с.
8. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – Москва : Наука, 1967. – 479 с.
9. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков / Н. Н. Пальмов. – Астрахань, 1927. – Ч. II. – 231 с.
10. Пальмов Н. Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева / Н. Н. Пальмов // Известия Академии наук СССР. – 1928. – Серия 7. – № 4–7. – С. 317–341.
11. Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период его пребывания в пределах России / Н. Н. Пальмов ; сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Джалаевой. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 2007. – 464 с.
12. Писаренко К. А. Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства коллегии иностранных дел в 1745 г. / К. А. Писаренко // Российский архив. – Москва : Российский фонд культуры. Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 2007. – Т. XVI. – С. 61–233.
13. Попов Н. В.Н. Татищев и его время / Н. Попов. – Москва, 1861. – 803 с.
14. РГАДА. – Ф. 15. – Оп. 1. – Ед. хр. 65.
15. РГАДА. – Ф. 819. – Оп. 1. – Ед. хр. 7.
16. РГВИА. – Ф. 20. – Оп. 1/47. – Д. 328. – Ч. 1.
17. Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев / С. М. Соловьев. – Москва : Мысль, 1993. – Кн. XI. История России с древнейших времен. – Т. 21–22. – 620 с.
18. Торопицын И. В. Участие В.Н. Татищева в сношениях России с Кабардой в середине 40-х гг. XVIII в. (Неизвестные письма В.Н. Татищева) / И. В. Торопицын // Сборник РИО. – Москва : Русская панорама, 2002. – Т. 5(153). – С. 167–186.
19. Торопицын И. В. Проблемы осуществления миграционной политики в России в контексте административного двоевластия в Астраханской губернии в середине XVIII в. / И. В. Торопицын // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России в прошлом и настоящем : мат-лы Междунар. науч. конф. (Астрахань, 5–7 октября 2006 г.) / сост. В. В. Иппин и И. В. Торопицын. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – С. 107–113.
20. Торопицын И. В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) / И. В. Торопицын // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН. – Москва : Восточная литература, 2011. – С. 330–359.
21. Цорюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А. В. Цорюмов. – Элиста : Джангар, 2007. – 464 с.
22. Юхт А. И. Письма В.Н. Татищева 1742–1745 гг. / А. И. Юхт // Исторические записки. – Москва, 1979. – Т. 104. – С. 282–337.
23. Khodarkovsky M. Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771 / M. Khodarkovsky. – Ithaca : Cornell University Press, 2006. – 285 p.

References

1. AVPRI, 1744, F. 115, Op. 1, D. 3.
2. Batmaev M.M. *Kalmyki v XVII–XVIII vv. Sobytiya, ljudi, byt* : v 2 kn. [Kalmyks in the XVII–XVIII centuries. Events, people, life]. Elista, 1993, 382 p.
3. Gordin Ja.A. *Hronika odnoj sud'by. Hudozhestvenno-dokumental'naja povest' o V.N. Tatiševe* [Chronicle of one destiny. The art and documentary story about V.N. Tatischev]. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1980, 208 s.
4. Dordzhieva E. Vlast' i tradiconnaja kalmyckaja jelita v XVIII v. (otkrytaja interakcija i skrytye transkripty) [The power and traditional Kalmyk elite in the XVIII century]. *Vlast'* [Power], 2009, Iss. 4, pp. 131–135.
5. Kuz'min A.G. *Tatišev* [Tatischev]. Moscow: Molodaja gvardija, 1981, 351 p.
6. Lebedinskij A. *K istorii kalmyckogo prava v 40-h gg. XVIII stoletija* [To history of the Kalmyk right in the 40th of the XVIII century]. Ojratskie izvestija [Oyratsky news], 1922, no. 3–4, pp. 78–87.
7. Maksimov K.N. *Kalmykija v nacional'noj politike, sisteme vlasti i upravlenija Rossii (XVII–XX vv.)* [Kalmykia in national policy, system of the power and management of Russia (the XVII–XX centuries)]. Moscow: Nauka, 2002, 524 p.

8. *Oчерки истории Калмыцкой АССР. Дooktjabr'skij period* [Sketches of history of Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Moscow: Nauka, 1967, 479 p.
9. Pal'mov N.N. *Jetjudy po istorii privolzhskih kalmykov* [Studies on the stories of the Volga Kalmyks]. Astrakhan, 1927, Vol. II, 231 p.
10. Pal'mov N.N. K Astrahanskomu periodu zhizni V.N. Tatiweva [By the Astrakhan period of life of V.N. Tatischev]. *Izvestija Akademii nauk SSSR* [News of Academy of Sciences of the USSR], 1928, Iss. 7, no. 4–7, pp. 317–341.
11. Pal'mov N.N. *Materialy po istorii kalmyckogo naroda za period ego prebyvanija v predelah Rossii* [Materials on the stories of the Kalmyk people during its stay in borders of Russia]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2007, 464 p.
12. Pisarenko K.A. Protokoly priemov imperatricej Elizavetoj Petrovnoj rukovodstva kollegii inostrannyh del v 1745 g. [Protocols of receptions by empress Elizabeth Petrovna of the management of board of foreign affairs in 1745]. *Rossijskij arhiv* [Russian archive]. Moscow: Rossijskij fond kul'tury. Studija «Tritje» Nikity Mihalkova, 2007, vol. XVI, pp. 61–233.
13. Popov N. V.N. *Tatiwev i ego vremja* [V.N. Tatischev and his time]. Moscow, 1861, 803 p.
14. *RGADA*, F. 15, Op. 1, Ed. hr. 65.
15. *RGADA*, F. 819, Op. 1, Ed. hr. 7.
16. *RGVA*, F. 20, Op. 1/47, D. 328, Ch. 1.
17. Solov'ev S.M. *Sochinenija* [Compositions] : v 18 kn. Moscow : Mysl', 1993. Kn. XI. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [Book XI. History of Russia since the most ancient times], vol. 21–22, 620 p.
18. Toropicyn I.V. Uchastie V.N. Tatiweva v snoshenijah Rossii s Kabardoj v seredine 40-h gg. XVIII v. (Neizvestnye pis'ma V.N. Tatiweva) [V.N. Tatischev's participation in the intercourses of Russia with Kabarda in the mid-forties of the XVIII century. (V.N. Tatischev's unknown letters)]. *Sbornik RIO* [Collection of RIO]. Moscow: Russkaja panorama, 2002, vol. 5 (153), pp. 167–186.
19. Toropicyn I.V., Ishin V.V. Problemy osuwestvlenija migracionnoj politiki v Rossii v kontekste administrativnogo dvoevlastija v Astrahanskoj gubernii v seredine XVIII v. [Problems of implementation of migratory policy in Russia in a context of an administrative diarchy in the Astrakhan province in the middle of the XVIII century]. *V.N. Tatiwev i problemy gosudarstvenno-administrativnogo upravlenija v Rossii v proshlom i nastojawem: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Astrahan', 5–7 oktjabrja 2006 g.)* [V.N. Tatischev and state administrative management problems in Russia in the past and the present: materials of the International scientific conference (Astrakhan, October 5–7, 2006)]. Astrakhan: Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2006, pp. 107–113.
20. Toropicyn I.V. Rossija i nogajcy: poisk putej samoopredelenija i sosuwestwovanija (pervaja polovina XVIII v.) [Russia and Nogais: search of ways of self-determination and coexistence (the first half of the XVIII century)]. *Tjurkologicheskij sbornik 2009–2010: Tjurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Tjurkologicheskij sbornik 2009–2010: Turkic people of Eurasia in the ancient time and Middle Ages]. In: *t vostochnyh rukopisej RAN* [Institute of east manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Vostochnaja literatura, 2011, pp. 330–359.
21. Sjurjumov A.V. *Kalmyckoe hanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij* [The Kalmyk khanate as a part of Russia: problems of political relationship]. Elista: Dzhangar, 2007, 464 p.
22. Juht A.I. Pis'ma V.N. Tatiweva 1742–1745 gg. [V.N. Tatischev's letters of 1742–1745]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 1979, T. 104, pp. 282–337.
23. Khodarkovsky M. *Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771*. Ithaca: Cornell University Press, 2006, 285 p.

**О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ ТАТАР
БУХАРСКОГО, ГИЛЯНСКОГО И АГРЫЖАНСКОГО ДВОРОВ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)**

Имашева Марина Маратовна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский филиал Саратовского государственного аграрного университета
им. Н.И. Вавилова
414004, г. Астрахань, ул. Софьи Перовской, 96
E-mail: imaschewa@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые моменты торгово-предпринимательской деятельности Бухарского, Агрыжанского и Гилянского татарских дворов города Астрахани на рубеже XVIII–XIX веков. Автор раскрывает причины сокращения объемов торговли, ее характер и ассортимент. Дается анализ этнического и социального состава причисленных к дворам жителей. Особую значимость исследованию придает тот факт, что в работе использованы архивные источники, большинство из которых публикуются впервые.